

Виталий Сыров

*Повести
и рассказы*

Второй том

Виталий Сыров

Повести и рассказы. Второй том

«Издательские решения»

Сыров В.

Повести и рассказы. Второй том / В. Сыров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960017-2

С последней встречи героев повести прошло три месяца. Казалось, время избавит юношу от желания признаться в любви. Но... Он ждёт зимние каникулы, чтобы вновь оказаться рядом с Таней. Таня при первой же встрече, будто сделала шаг навстречу. Наладились дружеские отношения, они общаются каждый день. Юноша решается на признание, но без всякой надежды на взаимность. Первая любовь, она яркая и чистая! Не важно в каком возрасте она случилась. Но у первой любви свои законы. Порой — жестокие.

ISBN 978-5-44-960017-2

© Сыров В.
© Издательские решения

Содержание

О МОИХ КНИГАХ	6
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	7
Глава 2.1	7
Глава 2.2	9
Глава 2.3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Повести и рассказы Второй том

Виталий Сыров

Иллюстратор Анна Витальевна Сырова

Дизайнер обложки Виталий Витальевич Сыров

© Виталий Сыров, 2019

© Анна Витальевна Сырова, иллюстрации, 2019

© Виталий Витальевич Сыров, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-0017-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-9306-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О МОИХ КНИГАХ

Уважаемый читатель!

Перед Вами второй том «Повести и рассказы»

Первый том опубликован на сайте

https://ridero.ru/books/povesti_i_rasskazy_1/

В него вошла первая часть повести «Первая любовь» и несколько рассказов о детстве.

В книге «Солдатские истории»:

https://ridero.ru/books/soldatskie_istorii/

В книге несколько рассказов из моей армейской жизни. Книга посвящена своему армейскому другу.

В настоящее время готовится к публикации две повести – это продолжение повести «Первая любовь»

Свои отзывы, пожелания и деловые критические замечания прошу оставить на сайтах соответствующих книг.

В ближайшее время оставить свои отзывы можно будет на сайте:

<http://syrov.ucoz.net/>

Приятного прочтения,

С Уважением, Виталий Сыров.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

повесть

часть вторая

Глава 2.1

Очень мучительно тянулось время. С того времени, как последний раз в сентябре видел Таню, я порывался всё бросить и приехать к бабушке. Приехать, чтобы увидеть Таню. Хватит уже мучить себя догадками. Никакой взаимности быть не может. А мне надо признаться в любви. И пусть я услышу отказ, чем вот так мучить себя.

А ещё рухнула идея снова вернуться в Свердловск. Мать была категорически против этого.

– При живых родителях, дети должны жить с ними, – таков ответ матери.

Мама, конечно, права. Правда, я жил с бабушкой и дедушкой до десяти лет. В те годы маму видел раз в неделю – по воскресениям. Конечно, когда я пошёл в первый класс, я был под неусыпным контролем мамы, а в летние каникул после первого класса мама возила меня в Арзамас – единственный в моей жизни отпуск мамы, когда она брала меня с собой. Во втором классе контроль был не такой строгий. Я оправдал ожидание мамы – я учился хорошо. При этом если учесть, что в первом классе я учился только писать прописями, то учёба шла без проблем. Всё остальное умел делать: бегло читать, быстро считать в уме и при этом умел умножать, знал часы. И кругозор был достаточно широк. И опять же, благодаря маме, в доме была детская энциклопедия, которую я читал с удовольствием. Я без претензий к маме. Трудно было без мужа. Отчим в семью придёт в середине 1967 года, когда я уже заканчивал третий класс.

А вот теперь мама была против моего возвращения в Свердловск.

Я ждал осенние каникулы. Но все мои надежды рухнули. С Таней повидаться не удалось. Она уезжала к родителям на праздники. Так бабушка мне сказала.

Праздник закончился, но Таня не вернулась. Я решил, что у неё отпуск. Там ведь и Лёша был. Бабуся поняла с какой целью я приехал. Она ещё летом догадалась, что мне очень понравилась наша соседка Таня. Догадаться ей было не сложно, да и сам я, почти открыто, словами ей сказал об этом. Бабушка моя была очень чутким человеком. И меня любила без ума. Я не понимал, почему она минувшим летом часто заговаривала со мной про Таню.

Когда в сентябре копали картошку, я заметил, что бабуся наблюдала за мной. Будто считала, сколько раз я глянул на Таню. Наблюдала и за Таней. Только зачем за ней надо было? А уже вечером только и разговоров было о Тане. Хвалила её, говорила, что впервые такая соседка прекрасная. А я ничего понять не мог.

С Олей тоже не удалось увидаться. Ольга зачастила на каникулы в Ленинград к дядьке. Она не удосужилась мне сообщить, что уедет из дома.

Зато пообщался с Сашей. Я считал, что его вся семья уехала на праздники. А он вдруг появился. Два дня был дома, только с утра куда-то уходил на несколько часов.

В радиоклубе мне дали кинескоп от телевизора КВН. Решил поменять его в своём телевизоре. Разобрал телевизор и пытался снять старый кинескоп. В дверь постучали.

– Таня, может это она? – мелькнуло в голове, застучало чаще сердце.

Но в дверях появился Саша. Поздоровались. Он предложил попить чайку. Я согласился. Расположились у меня в комнате. Он с любопытством рассматривал внутренности телевизора.

– Виталь, а ты разбираешься в этом деле? – удивлённо спросил Саша.

– Разбираюсь немного. А эту развалюху наизусть уже знаю, – ответил я, – жалко, что измерительных приборов у меня нет.

Потом говорили про гитару. Рассказал, как я взялся за это дело. Рассказал, как захватила меня когда-то в детстве битловская песенка «Девушка».

– Татьяне Васильевне очень понравилась твоя игра, только и вспоминает, – с доброй улыбочкой сказал Саша.

Саша расспрашивал про мою успеваемость в школе. Мне за первую четверть похвастать особо было нечем.

Он рассказывал про свою работу, узнав, что я собираюсь стать военным лётчиком. Говорили о самолётах.

– Я думаю, что это будет тебе по силам. Вижу, ты парень настойчивый и грамотный. Я удивляюсь, что ты сам всего добиваешься, – похвалил меня Саша.

Я набрался смелости и спросил у Саши про Таню и Лёшу. Саша хитро посмотрел на меня, улыбнулся. Сказал, что всё у них хорошо.

И всё же Сашу я перестал уважать. Это, наверно, такого рода ревность. Похоже, я правильно сначала подумал, что Саша довёл Таню до слёз из-за того, по его мнению, что она слишком много уделила мне внимания, когда я летом перегрелся на солнце. Да и какой же муж потерпит, когда его жена «сопливого пацана» «мой миленький да синеглазенький» называет, в глаза ему смотрит. Но глупо взрослому мужику ревновать к мальчишке.

С болью в душе я покидал бабушкин дом. Таню я не увидел. И Олю тоже. Медленно потянулось время.

Не раз я пытался переосмыслить своё положение. Уговаривал себя забыть Таню. Пытался вернуться мыслями к Оле. Переписка с ней продолжалась. Но ничего не мог с собой поделаться. Таня и только Таня.

Глава 2.2

Заканчивался 1972 год. Впереди зимние каникулы. Чем ближе подкрадывался Новый год, тем чаще я вспоминал дни минувшего лета. Опять ярко всплыли те первые два дня, когда в моё сознание вошла красивая и нежная девушка Таня. Мой мозг никак не воспринимал её замужней женщиной. Она так молодо выглядела. А на фоне своего мужа, который, видимо, был значительно старше, смотрелась совсем молоденькой девушкой.

И опять на щеке горел её поцелуй, будто вчера это было. И опять виделись её глазки, то с улыбкой и искоркой, а то с накатившимися слёзками. Что же творилось в душе этой девушки? Почему за одну минуту настроение её менялось так быстро?

Всё мучительнее становилось моё ожидание окончания четверти. Не сумел я за четыре месяца избавиться от влюблённости. И понял, что напрасно я боялся смотреть в Танины глазки, напрасно боялся её пронзительного взгляда. Глазки у Танюшки красивые и выразительные. А она добрая и ласковая.

Вот и закончилась первое полугодие девятого класса. Долгожданные каникулы. Хотел уехать в тот же день. Но мать пристыдила, что не хорошо отрываться от семьи в новогоднюю ночь. Я пытался надавить на мамину совесть.

– А как же бабуся там одна будет?

– Она, как всегда, у любимой доченьки отметит, – заявила мама.

Я решил не спорить и остался на новогоднюю ночь дома. Смысла ехать, вроде бы, на самом деле, не было. У Тани есть семья. Вероятнее всего, Таня уедет к родителям. А если у Саши будет выходной день, они вместе уедут. Там и Лёша у бабушки живёт.

Оля – она тоже может уехать. Хотя о своем намерении мне не сообщала. Да, честно сказать, и я не поинтересовался.

Я, ещё накануне, до наступления новогодней ночи, собрался к поездке. К Тане. Только не ждёт она меня и от этого становилось грустно. Щемило в груди. Съездить, хоть краешком глаза глянуть на неё.

Бабушка мне летом все уши прожужжала, что Таня восторгалась моей игрой на гитаре во дворе. Говорила, что мальчик умный, и столько песен знает. И кругозор у него широкий. Только расстраивалась Таня, что с нехорошей компанией связался. И матом выражался. Заложил меня Таня, что выпил я тогда.

Да, было дело, матерился, но я не знал, что в пяти-семи метрах за нашими спинами, нас слушает Таня. Но стоило появиться на балконе Оле, как я прекратил нецензурно выражаться. И песенок блатных не стал больше петь.

А Саша, взрослый человек, наверняка понял, что Таня мне очень понравилась. Уж если Оля заметила, взрослый-то, точно, заметил. Да дёрнуло меня Танюшку лапушкой и красавицей при нём назвать. Однозначно: он понял, что влюбился я в Таню. Правда, что в этом предсудительного? Сколько мальчишек влюбляется в своих молоденьких учителей.

Конечно, и Таня тоже должна была догадаться.

Родители быстро свернули праздник. Я ещё раньше их ушёл спать. Конечно, заснуть не мог. В мыслях только Таня.

Уехал ранним утренним автобусом. За окном автобуса было ещё темно. Я сидел с правой стороны в первом ряду сидений. Редко слепили встречные машины.

Я закрыл глаза и размышлял о своей предстоящей встрече с Таней. На что-то ещё надеялся. Вообще-то, задача совсем простая: набраться смелости и признаться Тане в любви. А сказать, чего боялся? Боялся я отказа! Крутых кулаков не боялся, а отказа девушки, наверно, боялся сильнее смерти.

Какое место я занимал в её мыслях? Может Оля права? Нет! Бред это. Никогда Таня не будет моей. Когда она видит меня, может и есть к моей персоне интерес. Нет меня на виду, и в мыслях у неё я не существую. Зачем я такой красавице нужен? Да и семья у неё, и старше она меня. Я щенок ещё или котёнок. Юнец, с едва пробившимся пушком над верхней губой. Ожидать нечего. Не дурачка Таня, чтобы с малолеткой связываться. Допускал, конечно, что какие-то симпатии, ко мне, как к ребёнку, у неё могли быть.

А мне надо облегчить душу. Не любовь, а сплошные душевные страдания. Измучился я. Может, скажу ей, что люблю её, и спокойнее на душе станет. Молча переживать очень тяжело. Так и решил: постучусь в их дверь, зайду в комнату и признаюсь, что люблю её, а дальше, что будет, то и будет.

Накануне идиотская мысль вселилась в голову: вот бы заболеть, а Таня-сестричка опять бы оказалась возле меня. Лечила бы меня и сидела рядом со мной, держа меня за руку. Не очень уж и много мне надо было.

И правда, я простыл пред самым новым годом. Бронхит. Нахватался холодного воздуха, катаясь на коньках. Но от идеи ехать к бабушке не отказался. Выехал больной. К вечеру не высокая температура и лёгкий грудной кашель.

Начало светать. Ещё густые зимние утренние сумерки. Наверно, около девяти часов. Я у дверей бабушкиной квартиры. Всё та же назойливая мечта: Таня открывает дверь, а я сходу прижимаю её к себе. И признаюсь ей в любви. Я совершенно не задумывался о том, какая может быть ответная реакция у Тани на моё такое вероломство. И нужна ли моя любовь Тане?

Дверь, вопреки мечте, открыла бабушка. Всё же я рисковал оказаться у закрытой двери. Повезло мне: в новогоднюю ночь бабуся была дома и никуда не уезжала.

Скупое, сходу, поздравил бабуся с Новым годом. Сразу обратил внимание на обувную полку. На ней стоят только Сашины тапки. Похоже, что дома у них никого нет. Прошёл мимо Таниной комнаты. Прислушиваюсь. Там тишина.

Переоделся. Пасусь на кухне. Пахнет поднимающимся тестом. Чайник поставил кипятить. Уже заварил чай. В стакан налил. Нехотя направился из кухни в свою комнату.

Дверь в дальней части коридора слегка скрипнула. Быстрые шаги. В кухню вошла Таня. Я и не думал, что она дома. Она подошла ко мне совсем близко, улыбалась и протянула мне руку. Я нерешительно взял её ладошку. А я, как язык проглотил, потому и с приветствием она опередила меня:

– Здравствуй, Виталик! С Новым годом! Пусть он принесёт тебе радость и счастье! Я так давно не видела тебя, кажется целую вечность, – она лукаво улыбалась, – ты, кажется, ростиком за это время выше стал.

Вот и опять Таня намекнула, что маленький я ещё. Нечего и мечтать. Наверно, не стоит и говорить ей о своей любви. Пустое это дело. Нарвусь опять на насмешку, что салага я ещё. И опять эти мысли помешали мне сказать главные слова. И опять, как прошлым летом, сказал не то, что мечтал:

– Здравствуйте, Татьяна Васильевна! Вас с Новым годом. Всего Вам и Вашей семье самого хорошего, – в горле запершило, я закашлялся...

– Спасибо, Виталик. Я Таня! Давай прощай! Я уже предлагала тебе. Ещё тётей назови! – она засмеялась, – ты, малыш, простыл?

Ну, вот! Опять малыш! Я совсем расстроился.

Была возможность сказать слова признания, но Таня пресекла мою попытку, назвав меня малышом. И упрямый мой язык опять понёс не то, что я давно хотел сказать:

– Хорошо, Татьяна Васильевна, я буду называть вас тётёй Таней, – пошутил я, стараясь быть непринуждённым, что явно не получилось. Посмеялись над плоской шуткой.

Мы так и стояли в дверном проёме кухонной двери, в упор глядя друг другу в глаза. Я всё ещё держал её тёплую нежную ручку. Меня в жар бросило. Наверно, покраснел. Стоял со стаканом кипятка в левой руке, даже не чувствовал, что жжёт пальцы.

– Виталий, пойдём ко мне чай с малиной пить. Кашель твой лечить будем. Расскажешь, как четверть закончил, что нового познал.

Бабушка вошла в кухню. Бабуся слышала приглашение Тани.

– Анна Фёдоровна, мы ко мне, чай попьём, – подтвердила Таня.

Надо полагать, что с утра они уже виделись.

– Тесто дойдёт, стряпать буду, – доложила бабушка не то мне, не то Тане.

Я, смущаясь, согласился. Пошёл со своим стаканом, который так и не удосужился поставить на стол. Я впервые зашёл к Тане в комнату. Сразу бросился в глаза такой же книжный шкаф, как у нас. Море книг.

– Виталька, много новых песен разучил? – спросила Таня, усадив меня за стол, – всё время вспоминаю, как ты играешь здорово. Как-то особенно звучало из уст Тани моё имя «Виталька». Ласково.

– Я не разучивал ничего, – выдавил я, – порезал сильно средний палец на левой руке и не мог играть. И сейчас ещё больно. Потому не играю.

Показал Тане левую руку. Порез пришёлся на сгибе между фалангами. Я долго не мог сгибать этот палец.

Я правильно всё просчитал: конечно, Таня взяла мою руку и стала рассматривать шрам, со следами двух стежков – рану зашивали. А мне только и надо, чтобы Таня прикоснулась ко мне.

А от прикосновения её нежной руки я заволновался, сердце чаще застучало, в горле ещё суше стало.

– У тебя каникулы сколько дней? – пыталась разговорить меня Таня.

– Пятнадцатого в школу, – пробурчал я.

Растерялся я совсем. Закашлялся опять.

– С родителями новый год отмечал?

– Да.

– А я с твоей бабушкой посидела. Хорошая у тебя бабушка. Сашка всё летает.

Таня, поняв, что на разговор я не «раскручиваюсь», стала рассказывать про себя. Про свою работу и учёбу в техникуме радиосвязи. Сейчас работает на телефонной станции. Специальность – техник-связист. Перед новым годом получила повышение в должности. Теперь по сменам работать больше не будет.

Про семью почти ни слова. Сказала, что Лёшку Саша решил оставить на время у своей матери. Это и вовсе не была деревня. Это был большой райцентр. Решили, что он там пойдёт в школу. Тем более, что мама у Саши преподаватель начальных классов. Ему там понравилось, что даже на каникулы не захотел к родителям.

– Виталь, давай чаю ещё налью. Вот тебе ещё кексик, – так это было душевно предложено.

Так мамы любимому дитятку предлагают сладости. Конечно, я ребёнок ещё для Тани. Ну и пусть играет в «куклы», раз ей так хочется.

От добавки чая и кекса я из вежливости отказался. Поблагодарил.

– Виталик, а у тебя в учёбе как успехи? Мне, кажется, что ты должен хорошо учиться. Или ты троечник? – и лукаво смотрела на меня.

Мне стало неловко. Ибо в дневнике за вторую четверть девятого класса было четыре тройки. Да пара пятёрок.

Я и так смотался к бабушке втихушку. Мать и не знает, что в тройках погряз. Ещё предстоит отчитываться за это, оправдываться. Мать знала, что к концу года я всегда выходил без троек. Но для профилактики всегда пыталась устроить мне головомойку. Пугала, что с тройками нечего и мечтать о небе. Отчим в образовательном процессе не участвовал.

А вот с русским языком – тут уж раз на раз не попадало. Бывало, что еле-еле на тройку вытягивал.

Я и так от чая с малиной разогрелся, а тут ещё вопросы горячие. Видимо, я сильно раскраснелся. Таня, увидев это, потрогала мне лоб.

– Температуришь ты, дружок!

Я вздрогнул от её прикосновения. Почему она назвала меня дружком? Опять жар ударил в разгорячённое лицо. Так захотелось прижаться к ней. Но я же трус. Конечно, не решился.

Таня встала, из шкафчика достала термометр. В народе их градусниками называли.

– Виталик, градусник зажми под мышкой, – с улыбкой сказала Таня.

Похоже, что мы оба вспомнили тот момент, когда Таня отхаживала меня прошлым летом от солнечного удара и велела мне зажать мокрое полотенце между ног. Я невольно улыбнулся. Улыбнулась и Таня. Даже хихикнула. В этот момент мы смотрели друг другу в глаза. Не было сомнений: мы вспомнили именно этот щекотливый момент в нашей жизни.

Вернулись к разговору о моих результатах за четверть. Врать про оценки я не стал и сказал, что в девятом классе не стоит напрягаться из-за оценок. Так в те годы расценивали успеваемость девятиклассники. И правда: зачем напрягаться, если ни по одному предмету оценки по итогам девятого класса в аттестат не идут. И экзаменов нет. Валяй дурака весь год. В десятом наверстаешь. Я был сторонник этой идеи.

Озвучил это Тане. Она слушала мою «теорию хитрости» и улыбалась. Но вдруг милое личико стало серьёзным. Таня не одобрила эту хитрость и смотрела на меня с пронзительным укором.

Тут подумал, что дурак я. Выставил себя дитём великовозрастным. Разве может Таня серьёзно воспринимать меня?

Но решил оправдаться. Заявил, что в Свидетельстве об окончании восьмилетки нет ни одной тройки. Даже по русскому языку. А по математическим дисциплинам, физике и химии – пятёрки!

Таня улыбнулась. Глазки подобрели.

– Виталь, градусник давай, посмотрим.

Я сам увидел, что столбик ртути остановился на отметке 37,0.

– Виталик, похоже, а ты и вправду заболеваешь. Где угораздило простыть?

– На катке, наверно.

– Я в таких случаях таблетку цитрамона принимаю. Помогает приостановить заболевание.

Таня достала из коробки таблетки, подала мне одну. Ушла за водой.

– Выпей, – Таня в это время с неподдельной заботой смотрела на меня.

Наступило молчание. Молчала Таня, молчал я. Смотрели друг другу в глаза. Я уже совсем приготовился признаться о своём отношении к ней. Но Таня опередила меня. Она опять вернулась к теме успеваемости в школе.

– Значит, я не ошибалась, что ты должен хорошо учиться. Память у тебя хорошая, столько песен наизусть знаешь и столько в голове мелодий держишь. И речь у тебя грамотная. Похоже, что ты много знаешь и кругозор у тебя такой, что позавидовать можно. Когда только успеваешь?

Таня с восторгом смотрела на меня. А потому я поверил в искренность её слов. Значит, бабушка говорила правду, что обо мне она говорила с Таней. Вообще-то, странного ничего нет. Бабусе лишь бы косточки кому-нибудь поперебирать. А тут соседка подвернулась добрая и отзывчивая – так почему бы языку воли не дать.

– Мне Саша рассказывал, что ты кинескоп в телевизоре менял. У тебя получилось?

– Да, только опять проблемы возникли, – надо искать причину.

И тут последовало то, чего я никак не ожидал.

– А давай вместе посмотрим, – предложила Таня.

Я оторопел!

– А вы разбираетесь в телевизорах? – немножко с усмешкой сказал я.

– А что особенного? – засмеялась Таня, – разбираюсь, раньше у нас такой же был. И тоже ломался. Я радиолампы сама меняла.

– Здорово, – восхитился я.

Договорились, что выберет Таня время, и мы заглянем внутрь телевизора.

Но всё же Танины слова опять поставили меня в тупик. Таня сказала, что она не ошиблась про мою учёбу. Значит, она думает обо мне! Зачем ей это надо? Зачем ей думать обо мне? Видит меня перед собой, вот и задаёт мне вопросы. Так, для диалога. Никогда и ничего не может быть между нами. Не дура же она!

И такая волна безысходности накрыла меня от этих мыслей. Сделал попытку вынырнуть. Решил похвастаться, чтобы хоть как-то себя приободрить. Ничего лучшего сказать не придумал:

– А я всегда хорошо стихи запоминал.

– Значит по литературе у тебя тоже хорошо? Читать любишь? – глядя мне в глаза спросила Таня.

Казалось, что Таня прочитала мои мысли. Вдруг по-другому она взглянула на меня. И опять я засомневался. А может она не равнодушна ко мне? Но надо было отвечать на вопрос.

– С литературой у меня по-разному. Одни писатели нравятся, другие – нет. Из школьной программы больше всего Пушкина и Гоголя люблю. А Фонвизин – этот вообще дурак – он сам как Недоросль....

Договорить мне Таня не дала – она залилась таким заразительным смехом, что мне самому стало смешно.

– «Существительное с прилагательным...», – напомнила Таня и опять засмеялась, – Виталька, критик ты, смотрю, оригинальный.

Из шкафа Таня взяла шкатулку, достала свой Аттестат и Диплом. Подала их мне.

Я посмотрел. Одно слово – отличница. В Аттестате всего две четвёрки. А Диплом – красный.

– Смотри, Виталик, как учиться надо.

Меня заело.

– Девчонки всегда хорошо учатся, – я пытался отболтаться.

Чуть было не ляпнул, что от пятёрок у девчонок толку нет. Знания большинство из них применять не умеют.

Видимо, разговорила меня Таня. Я не заметил, как волнение прошло. Успокоился. И темы для разговоров вдруг стали находиться. Я не замечал, как побежало время. А мы уже

непринуждённо болтали о всём, что придёт в голову. Будто и раньше, так вот запросто, общались друг с другом. Правда, на «Вы».

Счастье с первого дня Нового года свалилось на меня! Как Таня и пожелала мне пару часов назад.

Бабушка возилась на кухне. Праздник сегодня – 1 января. Стряпала бабуся ватрушки с творогом, да пирожки с вишнёвым вареньем.

В дверь Таниной комнаты постучали. Бабушка нарисовалась в дверном проёме. С доброй ехидцей в глазах глянула на нас.

– Ребята, пошли теперь к нам. Пирожки и ватрушки готовы, – предложила бабушка.

Таня охотно согласилась. А я-то как рад был. И бабушка моя, какая она у меня хорошая. Какая молодчина, что Таню пригласила.

И тут я вспомнил, что вёз с собой две шоколадки. Эх, голова пустая! Вручил я их бабушке и Тане по случаю Нового года. Честно говоря, шоколадки вёз для Тани и Лёши.

И опять Таня смотрела мене в глаза. А личико в минуту из весёлого, уже стало очень грустным. И глазки заблестели. Будто заплакать собралась.

День закончился. Пообещали друг другу, что завтра после Таниной работы ещё поговорим.

Лёг спать. Засыпал. Красавица Таня перед глазами. Завтра мы опять увидимся. Будто свидание назначили. Наверно, я от счастья улыбался во сне. Что-то снилось.

Утром квёлость. Точно простыл. И кашель из глубины груди. Заболел всё же! «Мечта» поболеть сбылась.

Утром Таня, услышав, как я зашёлся кашлем, стукнув в дверь, зашла в комнату. Убедила меня, что нельзя пускать болезнь на самотёк.

– Вечером займись тобой, – весело сказала Таня, и ощупала мне голову, – жар у тебя.

Принесла какие-то таблетки и стакан воды. Заставила выпить. Подала термометр. И велела не вставать с постели.

– Спи. Сон лучшее лекарство, – нежно сказала Таня, – Анна Фёдоровна, пусть он спит. Я аспирин ему дала, жар сбить надо.

Уже уходя, Таня ещё раз зашла.

– Виталь, градусник давай. Тридцать восемь! Спи давай. До вечера.

Показалось мне тогда, что было у неё желание чмокнуть меня в щёчку. Не унимался я, всё фантазировал и мечтал.

– Конечно, показалось. Дурак я, в голове солома, – мысленно попытался я вернуть мозги на место.

Я лежал и размышлял: «Зачем ей это надо? Сынишка Лёша где-то у бабушки за сто пятьдесят километров. От скуки? И муж у неё чёрт знает что. Она со мной возится, а я ей никто. Пацан, девятиклассник. Ещё не полных шестнадцать лет. Ну, пусть будет так, раз ей нравится этим заниматься. В конце концов, никогда мне не уделяли столько внимания, когда я болел. Да и бывало это крайне редко. Только мне тревожно. Я люблю её, но у любви этой очень горький привкус. И в груди, там, где сердце, щемит. И болезненная истома по всему телу.

День тянулся мучительно. Еле дождался вечера.

Днём вдруг вспомнил про Олю. Стало не по себе. Опять раздвоение. Не хорошо, что забыл свою подругку, с которой провёл всё лето. Переписывался всю осень.

Несмотря на температуру и «приказ» Тани лежать и спать, пошёл к Оле. Ольгину маму в подъезде встретил. Она сказала, что Оля в Ленинграде на каникулы к дяде уехала. Будет дома 10 января. Странно. От Оли три дня назад письмо было. В нём ни слова о Ленинграде. Как и осенью. Почему Оля держит меня в неведении о своих отъездах? Уже второй раз так поступила. Она же знала, что я приеду, а потому могла бы предупредить. Наверно, ревнует к Тане. Считает, что всё равно приеду. И опять защемило в груди. Что же я делаю? Надо было Оле признаться, что Таня в душу мне запала.

Пришла Таня с работы. Ещё не сняв верхней одежды, она заглянула к нам.

– Не спишь? Виталь, как самочувствие?

– Живой, – ответил я.

Как обещала, взялась Таня лечить меня. Я, правда, сопротивлялся немного. Пустил в ход избитую шутку.

– Таня, если простуду лечить, то она проходит через семь дней. А если не лечить – то через неделю. Значит, до конца каникул вылечусь.

И тут я поймал себя на мысли, что впервые обратился к Тане по имени, так, как она разрешила её называть. Мне показалось, что она тоже это отметила.

– Виталь, это старый анекдот про участкового врача. Отговорка, чтобы больничный не давать. Ты что, как дитё малое. Шуток не понимаешь?

Ну, вот – опять я в её глазах только, как дитё малое. И опять невероятная боль на душе.

Хотя мечта сбылась: я опять стал Таниным пациентом! Моя милая сестричка взялась лечить меня. Каждый вечер после работы Таня приходила ко мне, и мы целыми вечерами были вместе. Таня ставила мне горчичники, поила молоком с мёдом, чаем с малиной и лимоном. И заставляла есть пенку с кипячёного молока. Пенки, которые я не терпел с детства. Через три дня я почти выздоровел.

Я сильно стеснялся бабушки. Она женщина строгих правил. И, разумеется, она должна была хоть как-то отреагировать на явно аморальные поступки, молодой замужней женщины, которая, в отсутствие мужа, целыми вечерами проводит у молодого мальчишки в комнате. Уж больно хорошо я знал свою бабушку. Но она молчала и, как мне казалось, и не собиралась ничего предпринимать.

Чай-то я и сам мог себе наливать и молоко вскипятить. Я не был прикован к кровати. А Таня развлекала, чем могла. Говорили о многом. Я для себя делал открытие за открытием. Предо мной была девушка с огромным кругозором. Начитанная. Добрая, ласковая. И красивая!

Считал ли я тогда, что Таня делает что-то аморальное. Нет, не считал! И сейчас не считаю. Я был влюблён в неё, а у девушки моей мечты не могло быть ничего отрицательного. Может же человек по жизни быть очень отзывчивым? Может! Ничего предосудительного в этом нет. Когда Таня находилась в моей комнате, дверь оставалась открытой. И одежда Тани не вызывала никаких нареканий. Никаких коротких юбочек и платьиц с нескромным декольте. Но тут ничего не поделаешь – красивую фигурку и милое личико не прятать же!

А бабушка смотрела на всё это и относилась к этому, как к нормальному явлению. А я не понимал, какая муха укусила бабусю.

Глава 2.3

Ещё в первый день общения мы коснулись фильма «Угрюм Река». Фильм был снят на Свердловской киностудии, наверно, в 1968 или 1969 году. Я смотрел его, будучи ещё мальчишкой. Смотрел вместе с любимой тёткой. Она комментировала непонятные для меня моменты. Я был без ума и от сюжета, от игры артистов.

Когда Таня поставила мне первый раз горчичники, присела рядом и смотрела на меня. И вдруг Таня озарилась:

– А ты не читал «Угрюм реку»? Хочешь, я тебе вслух почитаю? У меня есть эта книга.

Не дожидаясь ответа, она упорхнула к себе в комнату и уже через пару минут вернулась обратно, держа в руках четыре тома.

– Будем читать по очереди! Один устал, другой читает. Здорово я придумала! Но больше я буду. Ты болеешь, кашляешь и нельзя тебе глаза напрягать, – Таня быстро распределила обязанности.

– А для начала, давай-ка чайку с малиновым вареньем, – распорядилась Таня и ушла на кухню.

Вернулась. Уходила-то всего на пару минут, а для меня будто вечность прошла. Сняла с меня горчичники.

– Анна Фёдоровна, садитесь с нами чай пить, я уже налила вам, позвала Таня бабушку из соседней комнаты.

Таня сказала, что она уже прочитала несколько глав, но с удовольствием перечитает их снова.

Таня после чая велела мне укутаться покрывалом. Поправила его на груди.

– Виталь, держи тепло, прогревайся.

Таня начала чтение. Как оказалось, чтец она была превосходный. И так задорно читала про Ибрагима! Мы вместе смеялись до слёз. Перелистывалась страница за страницей.

Бабушка пристрастилась слушать, как Таня читает. Видимо, бабушке понравилось произведение. Даже реплики вставляла.

– Виталь, а я не ожидала, что ты так хорошо читаешь. Ты часто читаешь вслух? – спросила Таня.

– Когда я учился в третьем и четвёртом классе, ходил в продлёнку. Во время прогулки в парке, когда было тепло, мы читали вслух книжки, которые нам приносила наша учительница. Я был один из лучших чтецов. Когда-то был летом в лагере, я был лучшим сказочником в нашем отряде. В школу когда пошёл, то только длинные слова по слогам читал. Мама говорила, что я бегло уже читал. А теперь вслух читать приходится, только если на литературе заставят.

Я, конечно, непоправимый дурак. Опять я ляпнул, то о чём можно было промолчать. Таня с милой улыбкой смотрела на меня, как на ребёнка. И в тоже время мне казалось, что она готова чмокнуть меня в щёку. Общение с Таней чем-то напоминало общение с моей тёткой в те времена, когда я ещё учился в начальных классах.

Уже был отложен прочитанный первый том. Казалось уже, что мы сами окунулись в события, будто бы находились в самой гуще. И, разумеется, нашли своих героев.

Конечно, Таня – в образе Анфисы. Мне ничего не оставалось, как войти в образ Прохора. Но по ролям мы не читали.

Каждому пришлось прочитать монологи наших главных героев, где они говорили и размышляли друг о друге. Приходилось читать о любви.

Казалось, что всё это происходит между нами, будто устами героев романа говорим, да только не свои слова. А когда же общаемся друг с другом, почему-то, не в состоянии найти своих слов любви. Правда, это меня касалось.

В романе тоже есть героиня по имени Таня. Тане выпало читать сцены, когда Прохор купался в реке, а героиня Таня в шутку спрятала его одежду, и тот оказался совершенно голым. Таня читала самые щекотливые моменты этой сцены, и щёчки её порозовели.

Я тогда ещё не знал женщин, но чувство созревающего мужества стало беспокоить меня всё чаще и чаще, после того, как в душе моей поселилась Таня. Тогда я впервые представил Таню обнажённой. Перед глазами встала картинка, когда она открыла утром шторы и стояла в лучах солнца. В лучах яркого солнца платьице её стало прозрачным, и я полностью увидел её стройные ножки.

Она читала, а я смотрел на неё и мысленно раздел глазами. Таня перехватила мой взор и покраснела ещё сильнее. Смутилась. У меня тоже заполыхали уши.

Пиковым было чтение страниц, когда Прохор и Анфиса ночевали в охотничьем домике и пили наливочку.

Я влюблялся в Таню всё больше и больше. Уже и болезнь прошла. На полку поставлен последний прочитанный том «Угрюм реки». Правда, читали мы не совсем добросовестно. Часть романа мы всё же пропустили. Пропускали главы о растущей политической сознательности, недавно зародившегося пролетариата. Пропускали про маёвки и забастовки. Потому четырёхтомник прочли, что называется – галопом.

А осадок от финала романа у меня остался очень тяжёлый.

Телевизор мы починили. Таня в очередной раз зашла ко мне.

– Виталь, включай свой телевизор, – сказала Таня.

Я включил. Всё было нормально, но через три минуты на экране была только белая горизонтальная полоса посередине экрана.

– Кадровая развёртка не работает, – сказала Таня.

Я не буду описывать тот восторг, который я испытал в тот момент. Я впервые видел девушку, которая разбиралась в устройстве телевизора. Через два дня нужную лампу Таня принесла с работы. Кто-то из сотрудников ей дал. Всё заработало.

Так проходил день за днём. Оставалось мне только признаться! Я не сомневался, что Таня всё прекрасно давно поняла. Наверно, кот Яцек уже понял. Но я боялся и оттягивал время. Я боялся получить отказ. Даже представил, как это будет.

– Виталик, синеглазенький. Ты ещё очень молод. Ты встретишь ещё свою девушку.

Да ещё про Олю напомнит.

Ну, как-то так! Отказ, безо всякой надежды! Даже ждать не будет, когда я подрасту. Это тебе не песенка про студентку-практикантку педагогического института, которая согласилась подождать, пока мальчишка-десятиклассник, который признался ей в любви, дорастёт до совершеннолетия. Кстати, студентка-практикантка в песенке тоже по имени Таня. Читатель должен помнить этот «вечный дворовый шлягер». Сам пел. Его и сейчас нет-нет, да и услышишь где-нибудь во дворе.

А мы опять рассказывали каждый о себе. Спорили... Соглашались... Я поделился своей мечтой стать военным лётчиком. Потому, ради этого, учусь хорошо и форму спортивную держу. Таня, я заметил, проигнорировала мои мечты о небе. Но зато с укором сказала:

– А выпивать с Толяном по сараям и подъездам – это тоже поддержание спортивной формы? А тройки твои! С тройками ты не поступишь.

Мне стало очень неудобно. Я покраснел. Оправдываться я не стал, хотя с того момента, когда вместо объяснения в любви, я пообещал больше не пить с Толяном и правда, не пил больше. Но если честно, то случая не было, и с Олей я тогда время проводил.

– Таня, а откуда вы знаете, что его Толяном зовут?

– Бабушка твоя рассказывала. Удивляюсь, говорит: «Странная, у них дружба. Тот-то старше. Года два тому назад дрались всю зиму. Соседи их за сараями видели. Виталька с распухшей мордой ходил. Подерутся, а потом друзьями опять во двор возвращаются. Спрашиваю у Витальки, что не поделили, так молчит».

Таня вопросительно смотрела мне в глаза.

– Но я видела летом, что вы друзья. Похоже, твой Толян тебя очень уважает. Тогда как понять то, о чём бабушка рассказала мне?

Пришлось рассказать Тане об условия первоначальной жизни в элитном посёлке. И о просьбе помощи у Толяна.

– Да, Виталя, не завидное положение у тебя. А сейчас как? – Таня сочувственно смотрела мне в глаза.

И опять мне показалось, что было у неё желание обнять меня и приласкать, пожалеть. Но отогнал эту мысль.

– Теперь всё хорошо. Сам кому угодно... – я чуть не выматерился, вовремя оборвал себя. Стало не удобно за намерение сматериться, и, будто, бахвалюсь.

– Таня, это – правда, теперь всё нормально. Я не вру и не хвастаюсь.

Рассказал Тане, что и раньше я умел драться, да только не люблю я это дело, что тактика у меня страдала. И что дрались в посёлке у нас по диким правилам.

Таня сочувственно смотрела на меня.

– Я сразу заметила, что добрый ты мальчик. Ещё во дворе тогда. Я гожусь тобой, что ты справедливый и смелый.

Да уж! Нашла смельчака, сказать ей о любви боюсь. И странно: перед кем же она гордится мной? Ну, точно, за ребёнка меня считает. А потому, молчать мне надо и ничего не говорить ей про свою любовь.

Засыпая в тот вечер, крутилась в голове фраза о добром мальчике. И стало грустно. Значит, так она меня и воспринимает. Дитё я для неё. Играет со мной от скуки. Не стоит мне признаваться. И не ставить Таню в неудобное положение. Ведь ей придётся отказать мне. А вдруг у меня ещё и слёзы потекут. Она добрая, тактичная – трудно ей будет меня выслушивать. Я уткнулся лицом в подушку, и опять непроизвольно потекли слёзы. Я уснул.

Утром следующего дня я слышал, как Таня собиралась на работу, как заходила в кухню. Но я не вышел из комнаты, чтобы пожелать Тане доброго утра. Решил, что всё напрасно. Я ребёнок, совсем ещё мальчик, и этим всё сказано.

Вечером Таня постучалась в дверь.

– Виталик, а утром ты проспал? Потому не вышел поздороваться, да?

Я молчал.

– Я чем-то обидела тебя?

– Нет! Я проспал, – соврал.

Мы опять разговорились. Таня рассказывала о себе. Тогда я узнал, почему Таня выбрала такую профессию. Оказалось, что все в её семье были связаны с радиосвязью либо с телефонией.

Танин папа успел повоевать. Его в середине осени 1944 года призвали на фронт, а вскоре после Победы родилась и Танюшка. Так я узнал день рождения Тани – 27 мая 1945 года. Вычислил я ментально: значит Таня старше меня на двенадцать лет. Значит летом я ошибся немного в расчётах. Ошибся в меньшую сторону. Обидно стало.

Но я улыбнулся.

– Таня, а у меня 26 мая день рождения.

Таня ликовала, что наши дни рождения всего через день.

– Виталька, наверно, поэтому мы характерами похожи с тобой. И интересы многие совпадают, – радости её не было предела.

Тогда я узнал о теории знаков Зодиака. Нет, конечно, я слышал про астрологию, но считал это полной ерундой. Мы по знаку Близнецы. Потому, по мнению Тани, мы так схожи.

– Сестричка, – мелькнуло у меня в голове. Но озвучить постеснялся.

И опять я засыпал, анализируя всё, о чём говорили минувшим вечером.

Эх, Таня, Таня! Знала бы ты, как я люблю тебя! Но как только соберусь сказать Тане о своей любви, так сразу с Таниных милых губок срывается фраза про мальчика. Будто специально этим останавливает меня от признания. А потом опять, будто специально, подводит меня к готовности признаться. И опять я отступаю. Опять прихожу к выводу – это не возможно. Будто играет со мной, как кошка с мышкой.

И снова я засыпаю со слезами на глазах. Не от обиды на Таню, а от полной безысходности. Опять щемит в груди.

Следующим утром я вышел из комнаты. Встретились на кухне, поздоровались. Щедро пожелали друг другу всего самого хорошего и попрощались до вечерней встречи.

А вечером Таня продолжила рассказ о родителях и о себе.

Танин отец был военный радист. Вернулся с войны домой старшим лейтенантом. Был ранен. И дед у Тани радист и тоже военный. А мама работала на телеграфе. Таня пошла по стопам родителей.

В то вечер я узнал, что Таня владела азбукой Морзе. Причём на профессиональном уровне – она могла передать и принимать «морзянку» и при этом печатала текст, уже буквами, на пишущей машинке. Поэтому Таня была военнообязанной.

Было уже часов десять вечера. Таня собралась уходить, и позвала меня к себе в комнату.

– Виталик, в этой коробке очень интересная игрушка. Лёшина. Ты возьми, посмотри и разберись завтра, а вечером поговорим, – подала мне коробку, – ну давай, спокойной ночи.

Каких только игрушек у Лёшки не было! А в коробке была крутая игрушка – «Радист». В комплекте два ключа для «морзянки», коробочка с тонгенератором и батареей. Можно было подключить ещё и две пары наушников. И провода. Можно было сидеть в разных комнатах и играть в радистов. Лёшка мал был, и игрушка была ещё не востребована.

Вечером Таня и предложила мне поиграть Лёшкиным «Радистом». Точнее – научиться «морзянке».

– Виталик, с твоим-то музыкальным слухом моментально научишься.

Милая моя девочка, она не знала тогда, что как мотылёк залетела к пауку в паутину. Я высказал огромное сомнение, что у меня получится.

Бабушка увидев, как мы «играем» смеялась над нами.

– Виталька, что это за «пискулька» у вас? – спросила у меня бабуся, беззвучно трясясь от смеха.

Сказал, что это такое переговорное устройство старинное, что так общались, когда телефонов не было.

– А чё вам мешает словами-то общаться в одной комнате? Совсем вы с ума спятили ребята, – и опять зашлась в беззвучном смехе.

Я цеплялся за все Танины идеи. А тут решил разыграть её.

Выше я писал, что ходил в радиоклуб и кроме сборки приёмников и всякой «радио всячины», ходил ещё в группу коротковолновиков и занимался на коллективной коротковолновой радиостанции. Уже вполне посредственно принимал на слух и помаленьку начал работать на ключе.

Смысл розыгрыша был в том, чтобы ошеломить Таню быстротой изучения азбуки. Я знал, что её и за неделю, и за месяц не выучить. А я уже умел это делать. И делал это вполне удовлетворительно. И не буду кривить душой: хотелось хоть этим привлечь к себе внимание Тани.

Я два вечера умышленно допекал Таню своим «неумением» и непроходимой тупостью в этом деле. Мне было интересно наблюдать, как она нервничала, когда у меня ничего не получалось. Особенно с передачей. Передавать на ключе – это сложнее, чем принимать на слух.

Таня прочитала мне целую лекцию про азбуку Морзе и о способах её изучения. Я прикинулся полным профаном в этом деле.

– Таня, вы сказали, что морзянку быстро заучивают люди с хорошим музыкальным слухом. Это как понять? Почему тогда у меня ни черта не получается, – водил я Таню за нос, дурачком прикидывался.

– Для изучения азбуки используют напевы – слова, которые похожи на код Морзе. Эти слова состоят из такого числа слогов, и их так произносят и способ произношения таков, что получается некая мелодия. Виталь, ты что улыбаешься? Ты понял, о чём я сказала?

– Смутно.

– На примере тебе покажу.

Таня включила игрушку. Села за ключ.

– Вот смотри и слушай. Цифра два – это две точки и три тире. Слушай.

Таня на ключе отстучала две точки и три тире. Повторила несколько раз.

– Виталь, ты со своим слухом, наверно, уловил некую мелодию. Да? Уловил?

– Ага, – согласился я.

– А для меня это будто слова из народной песни «Я на горку шла», – Таня стучала ключом и вслух напевала, – я- на- го-рку-шла. Правда, похоже.

– Похоже, – продолжал соглашаться с Таней.

Таня преподавала мне то, что я давно знал. У меня улыбка на лице. Стало смешно, как эта милая девушка вколачивает мне в голову эти азы.

– Ну, что ты смеёшься? Совсем просто, правда! А семёрка – это две тире и три точки и будто звучат слова «дай-дай за-ку-рить», – Таня опять продемонстрировала это на ключе. Так легче запомнить азбуку, обычные слова привычнее для человека.

И тут меня осенило. Надо прекращать придуряться. И дерзкая идея мелькнула в голове, как молния. От раскатов грома аж заболела голова.

Вот он, тот случай – сказать Тане о любви! Сидеть напротив неё и предать: – «Таня, я вас люблю!» Ох и тупой: как сразу не сообразил?

До конца каникул оставалось два дня. А Тане я так ничего и не сказал. А она давно догадалась, что я влюблён в неё.

Очередной вечер. Решили чаю попить. Пока Таня была на кухне, я несколько раз про себя прокрутил текст.

Чаепитие закончилось, а я всё не решался. Молчали. Ну, всё! Сел за ключ. Таня отошла к окну и смотрела на улицу.

– Ну, давай, двоечник, передай какие-нибудь слова. Я попробую прочитать их, – она обернулась и лукаво глянула на меня.

Таня опять стала смотреть в окно. Я собрался с мыслями. Усилиями воли заставил свои руки не дрожать. Сосредоточился. Я не должен допустить ни одной ошибки! Я взялся за ключ. Не в скором темпе стал работать ключом. Комната наполнилась дисконтом морзянки:

– «Таня девочка я вас люблю».

После слова «девочка», Таня уже успела повернуться и, округлив глазки, смотрела на меня.

– Жить не могу без вас, – дальше пропела морзянка.

Я смотрел на Таню. Она стояла у окна и тоже смотрела на меня широко открытыми глазами. Похоже, она не поверила в то, во что сложилась череда «точек и тире» в её голове. Она явно не ожидала! А я снова начал выстукивать то же самое.

Всё! Я взошёл на «эшафот». На шее петля. Что уже тянуть! Пора табуретку выбивать! Я незаметно набрал полную грудь воздуха, встал и подошёл к ней:

– Таня, я, правда, люблю вас! С первого мгновения, как увидел вас тогда летним вечером. А теперь делайте со мной, что хотите..., – я с трудом выдавил из себя последнюю фразу.

Воздуха хватило едва-едва. Моё нервное возбуждение зашкаливало. Стучало в висках.

Таня смотрела мне в глаза и молчала. Похоже, что она подбирала слова, которыми она должна отказать мне.

А я так и стоял в полушаге от Тани, как с петлёй на шее, на шаткой табуретке. Дрожал, как осиновый листок. Боялся, что она вдруг засмеётся надо мной, назовёт опять малышом и скажет, что я ещё слишком молод, что мальчик ещё.

У меня уже подкашивались ноги. Я уже был готов встать перед ней на коленки и уткнуться ей в животик.

На её глазках появились слёзки, побежали по щёчкам... Таня, взяв меня за шею, притянула моё лицо к своему и стала целовать.

– Миленький мой, любимый.... Синеглазенький.... Малыш мой... Я люблю тебя.... Как же ты решился? Я давно знаю, что ты любишь меня. Виталик, родненький ты мой, ты второй раз уже сказал мне об этом. Я не ожидала, что сегодня это произойдёт...

Я не успел даже удивиться этому, может тогда, при солнечном ударе, я что-то бредил во сне и признавался Тане?

Она улыбалась сквозь слёзки, глядя мне в глаза.

– Виталик, родной мой мальчик, ты помнишь, что ты доктору сказал? Что сестричка у тебя добрая и красивая... очень красивая... лапушка.... Для меня это и было признанием твоим. И если бы мы были тогда одни.... Ты.... Ты бы тогда ещё узнал, что влюбилась я в тебя, ещё в тот вечер, когда ты на гитаре во дворе играл. Родненький ты мой. А теперь я люблю тебя.... Девочкой меня назвал... Родной мой ....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.